
Лето, шестой месяц четвертого года правления Юйчэн

Боковой зал Резонирующей Гармонии

Согласно табелю о рангах Небесной империи, чиновники ниже третьего ранга не допускались к участию в регулярных утренних аудиенциях. Должность бакалавра-чтеца Академии Ханьлинь считалась скорее почетной синекурой, нежели реальной государственной службой, и по логике вещей её обладатель никак не мог часто представлять пред светлые очи государя. Однако привязанность императора Чун И к Фу Исяню крепла день ото дня. Поначалу его призывали во дворец раз в две недели, затем — каждые три-четыре дня, а после императорской свадьбы встречи и вовсе сделались ежедневными.

Разумеется, в кулуарах власти поползли слухи. Вся столичная бюрократия теперь прекрасно знала: фаворитом номер один при дворе молодого императора Юйчэна был вовсе не его влиятельный дядя, старый принц Чжуан Чун Яньцзи, и не комендант Девяти ворот Ван Цзэн. Им стал скромный чиновник младшего четвертого ранга, бакалавр-чтец и по совместительству сын великого генерала, умиротворяющего дальние земли — Фу Исянь.

Едва отгремели свадебные торжества, как Чун И велел Министерству чинов подготовить указ о повышении Исяня. Но чиновничья карьера в империи испокон веков подчинялась строгим законам: продвижение по службе происходило раз в три года на основании тщательной оценки заслуг. Фу Исянь же прослужил в своей необременительной должности едва два года. Подобное спешное возвышение, продиктованное исключительно монаршей милостью, поставило Министерство чинов в крайне затруднительное положение.

Сам Фу Исянь по натуре своей всегда был человеком ленивым и праздным. В Академию Ханьлинь он почти не навещался, а к рутинной работе вроде составления хроник или сбора материалов питал глубокое отвращение. В последние два года все его душевные силы уходили на то, чтобы улаживать капризы и порывы Чун И. Впрочем, непосвященным об этом знать не полагалось. Не понимая причин столь вызывающей благосклонности государя, придворные упражнялись в самых невероятных догадках.

Стоило слуху о возможном повышении поползти по столице, как в поместье великого генерала Фу один за другим потянулись просители с поздравлениями. Однако Фу Исянь держал ворота наглухо закрытыми и гостей не принимал. Другая же часть чиновников принялась ежедневно осаждать Министерство чинов, пытаясь выведать подробности и оказать давление на руководство.

Спустя несколько дней министерство наконец направило Чун И доклад, в котором вежливо, но твердо отклонило предложение о досрочном повышении. Император пришел в неопишемую ярость. Он топал ногами и кричал, что велит отрубить голову у Полуденных ворот помощнику министра чинов Ляо Вэйхэну. Во дворец Зал Резонирующей Гармонии уже вызвали канцеляристов для составления смертного приговора, когда туда спешно прибыла

императрица Линьсю. Лишь её горькие мольбы и уговоры удержали вспыльчивого супруга от кровопролития.

В первую брачную ночь Чун И безжалостно покинул Линьсю. На следующий день, когда молодую жену вызвала к себе вдовствующая императрица, Линьсю преданно солгала, выгородив мужа. Позже, последовав совету Фу Исяня, император распорядился выделить из казны Департамента императорского двора пятьсот ланов серебра на покупку роскошных ювелирных украшений для супруги и щедро наградил начальника гвардии Жуй Жуна. Так скандал удалось замять. Но с тех пор Чун И чувствовал себя в долгу перед Линьсю, а потому не решился пренебречь её заступничеством. Казнь отменили, однако Ляо Вэйхэна всё же лишили звания, разжаловали в простолюдины и навечно лишили права занимать государственные должности.

Едва прослышав, что император мечет громы и молнии, вознамерившись покарать Ляо Вэйхэна, Фу Исянь поспешил в Зал Резонирующей Гармонии. На галерее у самого входа он лицом к лицу столкнулся с уходящей императрицей. Линьсю сегодня была облачена в изысканное, расшитое разноцветными шелками платье, поверх которого красовалась легкая безрукавка в тон. Волосы её были высоко уложены и скреплены шпилькой из розового жемчуга в форме цветка персика, что придавало её облику царственную зрелость.

Встреча на узкой галерее была неизбежной. Фу Исяню оставалось лишь почтительно склониться в глубоком поклоне.

Линьсю легким жестом велела ему подняться. Это была их первая личная встреча. Пока Фу Исянь стоял перед ней, скромно опустив взор, императрица невольно принялась разглядывать его.

В её мыслях пронеслось:

«Не лгали слухи, твердившие, что Фу Юаньшань — самый изящный и благородный юноша столицы. Одно то, как он стоит с поклоненной головой, выдает в нем редкую грацию. В его облике столько достоинства и безмятежности... Совсем не похож на этих прожженных придворных интриганов. Неудивительно, что император так к нему привязался».

Она заговорила размеренным голосом:

— Господин Фу, мне известно, что вы — верная опора государя. Помощник министра Ляо Вэйхэн ослушался высочайшего указа. Хотя его действия и были продиктованы заботой о незыблемости законов предков, подобные прецеденты в нашей истории уже случались. Государь намеревался лишить его головы у Полуденных ворот, но после моих долгих уговоров сменил гнев на милость. Он рассудил, что раз старик выжил из ума, то и на службе ему делать нечего. Ляо Вэйхэну велено покинуть столицу без права возвращения на службу. Можете не беспокоиться, воля государя возвысит вас непоколебима. В будущем вам надлежит лишь с еще большим усердием трудиться на благо престола.

Линьсю говорила уверенно, её голос креп и наливался властными интонациями. Фу Исянь слушал молча, опустив глаза, и не произнес ни слова в ответ. За спиной императрицы застыли служанки, на террасе переглядывались евнухи — все они с изумлением взирали на столь явное пренебрежение правилами этикета.

Видя, что её слова повисли в воздухе, Линьсю смутилась. Она вспыхнула от гнева, но не нашлась, как осадить дерзкого чиновника.

Возникшую неловкость нарушил Ван Юаньчэнь. Главный распорядитель быстро вышел из дверей Зала Резонирующей Гармонии и вежливо поклонился императрице. Линьсю всегда держалась с ним подчеркнуто учтиво.

— Встаньте, евнух Ван. Что привело вас сюда? Неужели император дал какое-то спешное поручение?

Юаньчэнь покосился на безмолвного Исяня и расплылся в почтительной улыбке:

— Ваше Величество, Владыка десяти тысяч лет отправил меня разузнать, не прибыл ли еще бакалавр Фу.

Линьсю вспыхнула. Она поняла, что старый слуга наверняка стал свидетелем её унижения. Собрав остатки самообладания, она холодно процедила:

— В таком случае ступайте и доложите. Я притомилась и возвращаюсь в свои покои во Дворец Молитвы Феникса.

Лишь когда императрица отошла на несколько шагов, Фу Исянь сухо произнес вслед:

— С миром провожаю Ваше Величество.

По пути во Дворец Молитвы Феникса Линьсю едва сдерживала ярость. Шедшая рядом служанка Ляньцин, её доверенная наперсница, зашептала:

— Этот бакалавр Фу совсем стыд потерял! Как он смеет так вести себя в присутствии Вашего Величества? В его глазах нет ни капли почтения к императрице!

Линьсю лишь презрительно фыркнула:

— Жалкий выскочка, кичащийся монаршей милостью. Посмотрим, долго ли продлится его триумф. К слову, когда я входила в Хунмин, все евнухи толпились в саду, а теперь почему-то выстроились на галерее. С чего вдруг?

Ляньцин испуганно оглянулась и понизила голос до шепота:

— Говорят, такова воля Его Величества. Стоит этому человеку переступить порог Зала Резонирующей Гармонии, как всем слугам приказано немедленно удалиться. Позволено оставаться только Ван Юаньчэню.

Линьсю задумчиво прищурилась, но промолчала, ускоряя шаг к своим покоям.

Тем временем Фу Исянь вошел в прохладу бокового зала Резонирующей Гармонии. Чун И сидел за столом, склонившись над кипой бумаг. После свадьбы он лично взялся за управление государством, и теперь доклады министерств и провинций шли напрямую к нему, минуя канцелярию принца Чжуана.

Заметив вошедшего, император отложил кисть и небрежно кивнул, приказывая подать стул. Молодой слуга бережно подтащил тяжелое кресло из древесины горного ясеня. Фу Исянь бросил взгляд на слугу — это был Сыинь.

За последние месяцы юноша заметно осунулся, в его глазах угасла былая живость. Поставив стул и налив гостю свежего чаю, Сыинь тихо выскользнул из зала.

— Неужто Сяошань пожаловал ко мне ради этого упрямца Ляо Вэйхэна? — с легкой улыбкой спросил Чун И.

— Ваше Величество зрит в корень. Я действительно шел просить за помощника министра Ляо. Однако у входа я встретил императрицу и узнал, что вы уже проявили милосердие, позволив престарелому чиновнику удалиться на покой.

Чун И сердито хмыкнул, глядя на него из-под полуприкрытых век:

— Сяошань, этот старик просто иссох от зависти к чужому таланту! Помощник министра чинов обязан подбирать для меня способных людей, а он цепляется за дурацкие формальности и отказывается писать указ. Это чистой воды саботаж! Он заслуживал того, чтобы лишиться головы вместе со всей своей родней. То, что я всего лишь лишил его чина — величайшая милость.

Исянь мягко улыбнулся:

— Ваше Величество правы. По своим способностям и уму Ляо Вэйхэн едва ли соответствует столь высокой должности.

Чун И удивленно приподнял брови. Исянь же неторопливо продолжил:

— Но не стоит забывать, что он верно служил престолу при трех правлениях — Хэи, Лунчжэн и Юйчэн. В глазах двора он пользуется немалым уважением. Если вы обойдетесь с ним столь сурово, это может заронить обиду и страх в сердца других старых слуг. К тому же, его назначил еще покойный император. Столь резкая расправа заставит людей судачить, будто с приходом нового государя старых слуг безжалостно выбрасывают вон. Да и мне самому невыносима мысль, что из-за меня пострадал заслуженный человек. Душа моя будет не на месте.

Выдержав паузу и видя, что император внимательно слушает, Исянь добавил:

— Почему бы вам не позволить Ляо Вэйхэну самому подать прошение об отставке по старости? Это станет и должным наказанием за его упрямство, и сохранит ему лицо. Все останутся довольны. Что скажете, Ваше Величество?

Чун И задорно прищурился и поманил его пальцем. Фу Исянь вздохнул, прекрасно понимая, что сейчас последует.

— Сяошань, иди-ка сюда. Ближе.

Фу Исянь лишь покачал головой, но всё же послушно обогнул массивный письменный стол из грушевого дерева. Не успел он сделать и двух шагов, как Чун И резко подался вперед, ухватил его за пояс и усадил к себе на колени. Крепко прижав к себе, он быстро поцеловал Исяня в горящую щеку и тут же отпустил, пока тот не успел разозлиться.

Исянь поспешно выпрямился, чувствуя, как он краснеет. Подобные вольности происходили постоянно. Сколько бы он ни выговаривал императору, тот лишь покорно кивал и клялся, что это в последний раз, а при следующей встрече без малейшего смущения делал то же самое. Просить его о благоразумии было совершенно бесполезно — если Чун И овладевал капризный порыв, совладать с ним было невозможно.

Довольный своей шалостью император принял напускную строгость:

— Предложение бакалавра Фу весьма разумно. Быть по сему.

Исянь горько усмехнулся и поклонился:

— Премного благодарен за вашу безграничную милость, Ваше Величество.

В этот момент в зал поспешно вошел гвардеец. Он что-то тихо шепнул Ван Юаньчэню и передал ему запечатанный свиток с донесением. Старый евнух, давно привыкший к причудам своего господина, сделал вид, будто ничего не заметил, и шагнул к столу:

— Ваше Величество, доставлено срочное донесение с Заставы Медной Горы от принца Чэна.

<http://bllate.org/book/19874/2040856>